

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-49-57>

Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений

В.О. Кузнецов

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – лингвистической экспертизе по новой для российского законодательства категории дел: распространению под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации (ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ и ч. 9, 10, 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ).

На основании экспертологического анализа указанных новелл законодательства выработано экспертное понятие «утверждение о фактах и событиях», имеющее юридическое значение. Предложены формулировки вопросов, постановка которых наиболее целесообразна на разрешение судебного эксперта, а также методический подход, позволяющий решить данные вопросы. В качестве примеров, иллюстрирующих решение экспертной задачи и реализацию данного подхода, разобраны два случая из экспертной практики автора.

Ключевые слова: *судебная лингвистическая экспертиза, заведомо ложная (недостоверная) информация, фейк, экспертное понятие, утверждение о фактах и событиях*

Для цитирования: Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 49–57.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-49-57>

Forensic Linguistic Analysis on Cases of Dissemination of Knowingly False (Unreliable) Information under the Guise of Credible Messages

Vitaly O. Kuznetsov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article is devoted to a pressing problem – linguistic analysis on a new category of cases in the Russian legislation: dissemination of knowingly false (unreliable) information under the guise of credible messages (Articles 207.1, 207.2, 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and Parts 9, 10, 10.1, 10.2 of Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation).

Based on the expert analysis of these legislative novelties, the author has developed an expert concept of “statement of facts and events” having legal validity. The author also presents the most advisable wordings of questions to a forensic expert, as well as a methodological approach to address them. As examples illustrating the solution of an expert task and implementation of the proposed approach, the author analyses two cases from his expert practice.

Keywords: *forensic linguistic expertise, deliberately false (unreliable) information, fake, expert concept, statement of facts and events*

For citation: Kuznetsov V.O. Forensic Linguistic Analysis on Cases of Dissemination of Knowingly False (Unreliable) Information under the Guise of Credible Messages. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 49–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-49-57>

Введение

В последние годы уголовное и административное законодательство Российской Федерации значительно пополнилось новеллами, связанными с речевыми правонарушениями. Это относится в том числе и к новым правовым нормам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений, названных СМИ «законами о фейках».

Федеральными законами от 18.03.2019 № 27-ФЗ и от 01.04.2020 № 99-ФЗ в статью 13.15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) введены части 9, 10, 10.1 и 10.2, а Федеральными законами от 01.04.2020 № 100-ФЗ и от 04.03.2022 № 32-ФЗ – в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) – статьи 207.1, 207.2 и 207.3, предусматривающие ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации. Последствиями такого публичного распространения являются создание паники среди населения, расшатывание общества, нарушения правопорядка и т. п.

Поскольку эти правонарушения относятся к речевым, то для их квалификации правоприменителю требуется использование специальных лингвистических знаний.

В настоящее время уже предложены методические подходы к решению задач экспертизы по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации.

В пособии И.А. Стернина и А.М. Шестерниной «Маркеры фейка в медиатекстах» 2020 года предлагается устанавливать «текстовые признаки, которые могут указывать на фейковый характер информации» [1, с. 3]. В результате этого делать вероятный вывод о ее фейковости: «Вывод по результатам анализа всегда будет иметь вероятностный характер. Всегда результатом будет только предположение эксперта, что это фейк, основанное на анализе языковой стороны текста» [там же, с. 8]. Таким образом, установление основано не на диспозициях указанных правовых норм, а на их бытовом наименовании («закон о фейках»).

Подобный подход принят за рубежом [2–5]. Р. Соуза Силва (R. Sousa Silva) отмечает: «Что представляет интерес для лингвистов, анализирующих дезинформацию, так это не столько идентификация автора инфор-

мации, распространяемой в Интернете, или профилирование автора такой информации, чтобы сузить круг подозреваемых, а скорее установить, является ли информация, вероятно, правдивой или намеренно фальсифицированной, на основе используемого языка и сведений о том, как он используется» [6].

Е.И. Галяшина предложила иной подход, связанный с установлением в рамках судебной лингвистической экспертизы признаков, соотносящихся с диспозициями правовых норм. Она предлагает определять «специфические характеристики и основные лингвистические маркеры фейкинга, на основании анализа которых можно выявить заведомо ложный характер сообщаемой информации с использованием специальных юридико-лингвистических знаний» [7, с. 22], «К предмету экспертного лингвистического исследования <...> относится установление содержания, направленности, языковой формы сообщаемой информации, а также вербализованных признаков “притворности”, маскировки дезинформирующего сообщения под правдоподобные, заслуживающие доверия новости» [8, с. 30].

Подобной точки зрения придерживаются М.В. Горбаневский и Г.Н. Трофимова [9, с. 93–95], А.А. Петрова [10] и др.

Оценка предложенных авторами подходов с точки зрения юридического значения результатов судебной лингвистической экспертизы, определение наиболее целесообразного из них, выработка экспертного понятия возможны в рамках экспертологического анализа, предполагающего рассмотрение правового и лингвистического понятия.

Экспертологический анализ

Анализ уголовно-правовых и административно-правовых норм, а именно статей 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ и ч. 9, 10, 10.1, 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ показал, что в их диспозициях присутствует правовое понятие «распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации».

Необходимо отметить, что по преступлениям, предусмотренным ст. 207.3 УК РФ судебная практика только формируется, в то время как по преступлениям, предусмотренным ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ, такая практика уже существует.

Верховный суд Российской Федерации дал разъяснения¹ относительно понимания квалифицирующих признаков этих преступлений, отраженных в диспозициях статей, а именно заведомо ложной информации, распространения данной информации под видом достоверной:

– *заведомо ложная информация* – сведения, сообщения, данные и т. п., которые изначально не соответствуют действительности, о чем достоверно было известно лицу, их распространявшему;

– *распространение заведомо ложной информации под видом достоверной* – форма, способ изложения информации (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям.

Аналогичные квалифицирующие признаки имеют место и в диспозиции ст. 207.3 УК РФ: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно содержащей данные об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях», а также в ч. 9, 10, 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ.

Так, в ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ: «Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия

лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния».

Указанные признаки наряду с другими составляют объективную сторону правонарушения.

В лингвистическом аспекте правовые понятия «заведомо ложная информация» и «распространение заведомо ложной информации под видом достоверной» соотносятся с лингвистическим понятием языкового способа подачи информации, допускающего ее проверку на соответствие действительности.

Соответственно, экспертным, т. е. занимающим промежуточное положение между правовой категорией и лингвистическим феноменом, является понятие «утверждение о фактах и событиях». Согласно ГОСТ Р 70003-2022² оно определяется как «высказывание, в котором констатируется информация о событиях, имевших место в прошлом или имеющих место в настоящем, допускающая проверку на соответствие действительности».

Исходя из этого в компетенцию эксперта-лингвиста входит установление того, допускает ли способ подачи информации ее проверку на соответствие действительности, т. е. подается ли информация в виде утверждения о фактах и событиях, что подлежит проверке на соответствие действительности, либо в какой-либо иной, не подлежащей такой проверке форме (мнение, предположение, оценочное суждение).

Юридически значимыми являются высказывания, в которых информация выражена в форме утверждения о фактах и событиях, поскольку только такой способ подачи информации позволит правоприменителю установить ее ложность либо достоверность. Мнение о факте использования Вооруженных Сил Российской Федерации или оценка данного факта является признаком другого коммуникативного действия: дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации, что регламентируется ст. 280.3 УК РФ и ст. 20.3.3 КоАП РФ³.

² ГОСТ Р 70003-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 10.02.2022 № 61-ст).

³ Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности». М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022.

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 30.04.2020).

Таким образом, основной задачей, решаемой в рамках судебных лингвистических экспертиз по делам, связанным с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации, является установление способа подачи содержащейся в материале информации.

Юридическое значение в данном случае имеет вопрос в следующей типовой формулировке: «Содержится ли в тексте информация о [...], выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?» Формулировка конкретизируется подстановкой на место пропуска предмета речи, предполагаемого диспозицией статьи УК РФ и КоАП РФ (табл. 1).

Методический аспект

Экспертная задача, связанная с установлением способа подачи информации, сводится к выявлению значения/формы выражения значения и отнесения его к определенному классу [11, с. 26–27]. В соответствии с общими принципами построения процесса решения такого рода классификационно-диагностических задач исследование объекта включает два этапа: аналитический и сравнительный.

На первом этапе эксперт устанавливает особенности коммуникативной ситуации, изучает признаки поступившего на исследование объекта, проводит его лингвистический анализ методами лингвистической семантики (синонимическим перифразированием, семантической декомпозицией, дефиниционным, контекстологическим анализом и др.), в том числе в обязательном порядке проводит анализ модальной организации предложения, позволяющий «выявлять языковые показатели, значимые для квалификации высказываний как утверждений или субъективно-оценочных суждений» [там же, с. 53].

На втором этапе эксперт проводит сравнительное исследование выявленных лингвистических признаков представленного объекта и диагностических комплексов форм (табл. 2) с целью установления их совпадений и различий.

Способ подачи информации рассматривается семантически (рис. 1) – посредством анализа диктумной семантики предложения (объективной семантики) и модальных смыслов (субъективной семантики), что обусловлено разбором утверждения о фактах и событиях не как формы, а как типа информации: «При отделении фактов от

Таблица 1. Рекомендуемые формулировки вопросов на разрешение судебного эксперта
Table 1. Recommended questions to a forensic expert

Правовая норма	Предмет речи	Формулировка вопроса
Ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, ч. 9, 10, 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ	1. Обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан ⁴	Содержится ли в тексте информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?
	2. Принимаемые меры по обеспечению безопасности населения и территорий, приемы и способы защиты от чрезвычайных ситуаций	Содержится ли в тексте информация о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от чрезвычайных ситуаций, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?
Ст. 207.3 УК РФ	1. Вооруженные Силы Российской Федерации	Содержится ли в тексте информация о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?
	2. Государственные органы Российской Федерации, исполняющие полномочия за пределами территории Российской Федерации	Содержится ли в тексте информация о действиях государственных органов Российской Федерации, исполняющих полномочия за пределами территории Российской Федерации, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?

⁴ В соответствии с Примечанием к ст. 207.1 УК РФ обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, в настоящей статье признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения.

Таблица 2. Диагностические комплексы форм выражения информации
Table 2. Diagnostic complexes of information expression forms

	Утверждение о фактах и событиях	Предположение	Мнение	Оценочное суждение
Объективная семантика предложения	Информационный характер сообщаемого		Неинформационный характер сообщаемого	Оценочный характер сообщаемого
	Совершенство			
	Верифицируемость			Неверифицируемость
Субъективная семантика предложения	Безальтернативность сообщаемого	Альтернативность сообщаемого: неуверенность, сомнение, вероятность	Альтернативность сообщаемого: логическая альтернатива	Альтернативность сообщаемого: информационная альтернатива

мнений оказывается значимой не форма подачи информации, а ее семантика, т. е. возможность проверки сообщения на соответствие действительности (верифицируемость)» [12, с. 133]. Такой подход основан на общепринятых научных данных (см., например, работы [13–16]), в связи с чем он применим в экспертной практике.

При выявлении способа подачи информации необходимо учитывать:

- часть информации в высказывании содержится имплицитно (неявно, скрыто);

- в основном высказывания (особенно сложные предложения) полипропозитивны, в связи с чем целесообразно выделение «информации в количестве, соответствующему количеству пропозиций»; это особенно важно, когда в высказывании использованы маркеры альтернативы, которые могут относиться не ко всем пропозициям в высказывании;

- правила наследования модальностей, регулярно действующих в тексте и влияющих на форму выражения информации (например, модальность, заявленная в заголовке текста) распространяется на весь текст или его фрагмент [15, с. 36–39].

Сравнение с диагностическим комплексом осуществляется последовательно по всем выявленным признакам. Задача сравнительного исследования состоит в установлении наличия/отсутствия системы признаков, характерной для соответствующего

диагностического комплекса (сравнительного образца).

Оценка осуществляется на основе установленных совпадений или различий признаков исследуемого объекта с диагностическим комплексом. Признаки совпадения должны образовывать требуемую совокупность.

Результаты оценки служат основанием для формулирования выводов эксперта:

- *категорический положительный* (свидетельствует о наличии искомой формы «утверждение о фактах и событиях») – при наличии совокупности признаков, совпадающих с признаками соответствующего диагностического комплекса;

- *категорический отрицательный* – 1) при неполном совпадении признаков объекта с признаками диагностического комплекса «утверждение о фактах и событиях»; 2) при полном несовпадении признаков объекта с признаками этого диагностического комплекса; 3) при совпадении с признаками других диагностических комплексов («мнение», «предположение», «оценочное суждение»);

- *о невозможности решения поставленного вопроса* – 1) в случаях, когда существует полная неоднозначность; 2) выявленные признаки недостаточны для какого-либо определенного положительного или отрицательного вывода.

Эксперт составляет сообщение о невозможности дать заключение в случае, если объект непригоден для исследования, сведений об объекте недостаточно для проведения исследования и дачи заключения, а также когда поставленные вопросы выходят за пределы специальных лингвистических знаний. Так, за пределы компетенции эксперта-лингвиста выходит решение вопросов, связанных с установлением заведомо ложной информации, квалификацией информации как фейка, выявлением признаков фейковой информации, а также проверкой информации на соответствие действительности.

Экспертная практика

Для иллюстрации предложенного методического подхода рассмотрим примеры из экспертной практики.

Пример 1. Экспертиза по делу, возбужденному по ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан».

На разрешение эксперта поставлен вопрос: «Содержится ли в аудиозаписи голосового сообщения информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?».

Объект исследования – аудиозапись голосового сообщения, в мессенджере WhatsApp: *«Привет, группа! То, что этот человек говорит, конечно, нельзя не верить. Это наше государство, на все сейчас способен. То, что для меня который стали фактами, пять-шесть дней тому назад прилетели в г. N 2 вертолета, конечно, я не видел, что они сбросили, не сбросили жидкость. Следующий день сдохли у всех курей, кого я знаю, у всех сдохли, и почувствовали недомогание те люди, которые оказались в тот день на улице, а у кого со здоровьем плохо, кто болел, у кого сахарный диабет, вот старые люди все умерли. Почти можно сказать человек 15 больше 15 человек за эти дни умерли. Что интересно, ни один дальнотбойщик, не умер, который был в рейсе. Те, которые не оказались в тот день дома вот здесь в г. N никто не умер. Именно умерли те старики, которые со здоровьем плохо, почувствовали недомогание люди тогда, когда оказались дома, вот вертолеты, когда прилетели. Этот хукумат готова на все. В г. N вот сейчас, например, целая дивизия, пригнали. При заезде стоит, целая дивизия.*

Для чего военные, что в N есть какие-то террористы? Нету даже здесь, которая был военный часть прикомандировочные эти даже уехали отсюда».

В сообщении содержится информация о событиях, которые произошли пять-шесть дней назад в г. N, куда прилетели два вертолета. На следующий день в селе произошел падеж домашней птицы. Люди, которые были на улице в тот день, испытали болезненное состояние, а те, кто уже жаловался на слабое здоровье, и люди пожилого возраста скончались.

Анализ формы выражения данной информации показал наличие признаков:

- информационный характер сообщаемого: информация подается как фактологическая (используется слово «факты»);
- сообщается о совершенных действиях (используются глаголы в форме прошедшего времени «прилетели», «сдохли», «умерли»);
- совершаемые действия конкретно описаны в тексте, речь идет о частных происшедших событиях, которые могут быть зафиксированы в результате внешнего наблюдения;
- безальтернативность сообщаемого (информация не сопровождается маркерами неуверенности, мнения и предположения, говорящий употребляет слово «факты», которое указывает на истинность, действительность событий о которых идет речь).

Признаки свидетельствуют, что выявленная информация (*на следующий день после прилета в г. N двух вертолетов у жителей села произошел падеж домашней птицы, а люди, которые были на улице в день, когда прилетели вертолеты, испытали болезненное состояние, кроме того, люди, которые имели слабое здоровье, и люди пожилого возраста умерли*), выражена в форме утверждения о фактах и событиях.

В исследуемом сообщении также содержатся сведения об обстоятельствах, которые могли стать причиной смертей и болезни жителей села, падежа птицы, а именно сброс жидкости вертолетами: *«То, что для меня который стали фактами, пять-шесть дней тому назад прилетели в г. N 2 вертолета, конечно, я не видел, что они сбросили, не сбросили жидкость».*

Исходя из коммуникативной ситуации, контекста и лексико-синтаксической конструкции фрагмента высказывания *«конечно, я не видел, что они сбросили, не сбросили жидкость»*, ввод в коммуникативное

событие компонентов «жидкость» и «сброс» был совершен ранее другим участником коммуникации, о чем свидетельствует разграничение автором тех компонентов коммуникативного события, которые говорящий наблюдал сам, был свидетелем этого (*то, что для меня который стали фактами, пять-шесть дней тому назад прилетели в г. N 2 вертолета*), и тех компонентов события, которым он свидетелем не был: «... конечно, я не видел, что они сбросили, не сбросили жидкость».

Действия, связанные со сбросом вертолетами некой жидкости, подаются одновременно и как совершенные, и как несовершенные (высказывание содержит глаголы в форме прошедшего времени «сбросили» – «не сбросили» с противоположным значением). Говорящий объясняет это тем, что он сам не был очевидцем события: использование глагола «не видел» и частицы «конечно» подтверждает, что говорящий не видел сбрасывалась ли жидкость с вертолетов.

По этой причине имеет место альтернативность сообщаемого: информация мыслится, оценивается говорящим как недоверенная. Он выражает неуверенность в происхождении события (*ни сбросили, не сбросили жидкость*), т. к. он не наблюдал это событие (*конечно, я не видел*).

Выявленные признаки свидетельствуют о том, что эта информация выражена в форме предположения.

Таким образом, исследование позволило прийти к выводу о том, что в аудиозаписи голосового сообщения отсутствует информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях. Такая информация в тексте выражена в форме предположения.

Пример 2. Экспертиза по делу, возбужденному по ст. 207.3 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации».

На разрешение эксперта поставлен вопрос: «Содержится ли в тексте публикации информация о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?»

Объектом являлся текст публикации в одной из социальных сетей: «*А как по другому после фотографий и видео от Харькова, Мариуполя, Ирпени, Бучи??? Это уже не*

фашизм – это крайние нацистские практики!»

Исследование показало, что текст – это реакция на пост о пенсионере, который вышел на Красную площадь с плакатом, осуждающим действия России и лично президента В.В. Путина в связи с проведением специальной военной операции на территории Украины.

Исходя из содержания текста публикации автор солидаризируется с пользователем, разместившим пост: «*А как по другому после фотографий и видео от Харькова, Мариуполя, Ирпени, Бучи????*» Он сообщает об отсутствии альтернативной оценки ситуации, нежели как осуждение, негативная оценка действий России и лично президента В.В. Путина в связи с проведением специальной военной операции на территории Украины.

Автор аргументирует свою позицию сообщая о наличии фото- и видеоматериалов из Харькова, Мариуполя, Ирпени, Бучи, на которых запечатлены кадры массовых убийств мирного населения на территории Украины Вооруженными Силами России (*Это уже не фашизм – это крайние нацистские практики!*).

Анализ формы выражения информации о действиях Вооруженных Сил России показал наличие признаков:

- информационный характер сообщаемого: информация подается как фактологическая (ссылка на фото- и видеоматериалы, фиксирующие события: «*А как по другому после фотографий и видео от Харькова, Мариуполя, Ирпени, Бучи????*»);

- сообщается о совершенных действиях (использование слова «практики»: «*Это уже не фашизм – это крайние нацистские практики!*»; из информации о наличии ссылок на имеющиеся фото- и видеоматериалы вытекает семантическое следствие о совершенных действиях);

- совершаемые действия конкретно описаны в тексте, речь идет о частных происшедших событиях, которые могут быть зафиксированы в результате внешнего наблюдения;

- безальтернативность сообщаемого: информация не сопровождается показателями неуверенности, сомнения.

Эксперт пришел к выводу о том, что информация о совершении Вооруженными Силами России массовых убийств мирного населения на территории Украины выражена в тексте публикации в форме утвержде-

ния о фактах и событиях. В связи с этим она может быть проверена на соответствие/не-соответствие действительности.

Заключение

Наиболее целесообразным с точки зрения юридического значения результатов судебной лингвистической экспертизы по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений является методический подход, касающийся установления способа подачи информации. Он позволяет

создать объективную основу для последующей правовой оценки материала.

Представленный методический подход нашел свое развитие в Методическом письме «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации», утвержденном Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и рекомендованном к применению в экспертной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стернин И.А., Шестернина А.М. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. Воронеж: Ритм, 2020. 34 с.
2. Figueira A., Luciana O. The Current State of Fake News: Challenges and Opportunities // *Procedia Computer Science*. 2017. Vol. 121. P. 817–825. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2017.11.106>
3. Mo J.S., Geng T., Li J.-Y.Q., Xia R., Huang C.-T., Kim H., Tang J. A Computational Approach for Examining the Roots and Spreading Patterns of Fake News: Evolution Tree Analysis // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 84. P. 103–113. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.02.032>
4. Mourão R.R., Robertson C.T. Fake News as Discursive Integration: An Analysis of Sites That Publish False, Misleading, Hyperpartisan and Sensational Information // *Journalism Studies*. 2019. Vol. 20. No. 14. P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2019.1566871>
5. Ross A.S., Damian J.R. Discursive Deflection: Accusation of “Fake News” and the Spread of Mis- and Disinformation in the Tweets of President Trump // *Social Media and Society*. 2018. Vol. 4. No. 2. P. 1–12. <https://doi.org/10.1177/2056305118776010>
6. Sousa S.R. Fighting the Fake: A Forensic Linguistic Analysis to Fake News Detection // *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. April 28, 2022. P. 1–25. <https://doi.org/10.1007/s11196-022-09901-w>
7. Галяшина Е.И. «Фейкинг» как новая угроза медиабезопасности: лингвоюридический аспект // *Этнопсихолингвистика*. 2021. № 2 (5). С. 7–24. <https://doi.org/10.31249/epl/2021.02.01>
8. Галяшина Е.И. Феномен «фейка» в аспекте судебной лингвистической экспертизы / Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы» (Иркутск, 15–16 марта 2019 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 26–31.
9. Горбаневский М.В., Трофимова Г.Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии линг-

REFERENCES

1. Sternin I.A., Shesternina A.M. *Markers of a Fake in Media Texts. Working Materials*. Voronezh: Ritm, 2020. 34 p. (In Russ.).
2. Figueira A., Luciana O. The Current State of Fake News: Challenges and Opportunities. *Procedia Computer Science*. 2017. Vol. 121. P. 817–825. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2017.11.106>
3. Mo J.S., Geng T., Li J.-Y.Q., Xia R., Huang C.-T., Kim H., Tang J. A Computational Approach for Examining the Roots and Spreading Patterns of Fake News: Evolution Tree Analysis. *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 84. P. 103–113. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.02.032>
4. Mourão R.R., Robertson C.T. Fake News as Discursive Integration: An Analysis of Sites That Publish False, Misleading, Hyperpartisan and Sensational Information. *Journalism Studies*. 2019. Vol. 20. No. 14. P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2019.1566871>
5. Ross A.S., Damian J.R. Discursive Deflection: Accusation of “Fake News” and the Spread of Mis- and Disinformation in the Tweets of President Trump. *Social Media and Society*. 2018. Vol. 4. No. 2. P. 1–12. <https://doi.org/10.1177/2056305118776010>
6. Sousa S.R. Fighting the Fake: A Forensic Linguistic Analysis to Fake News Detection. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. April 28, 2022. P. 1–25. <https://doi.org/10.1007/s11196-022-09901-w>
7. Galyashina, E.I. “Faking” as a New Threat to Media Security: Lingua-Jurist Aspect. *Ethnopsycholinguistics*. 2021. Vol. 2 (5). P. 7–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/epl/2021.02.01>
8. Galyashina E.I. The Phenomenon of “Fake” in the Aspect of Forensic Linguistic Analysis. *Materials of the International Scientific and Practical Conference “Pressing Issues of Criminalistics and Forensic Expertise” (Irkutsk, March 15–16, 2019)*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2019. P. 26–31. (In Russ.).
9. Gorbanevskii M.V., Trofimova G.N. *GLEDIS in the Digital Space. The Guild of Linguists-ex-*

- вистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет. М.: ИПЦ «МАСКА», 2021. 176 с.
10. Петрова А.А. Фейковые новости в аспекте лингвистической экспертизы / Материалы междунар. науч. конф. «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот» (Екатеринбург, 29–30 ноября 2019 г.) / Отв. ред. Н.Б. Руженцева. Екатеринбург, 2019. С. 165–169.
 11. Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И. и др. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: методическое пособие. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 135 с.
 12. Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 132–145. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-132-145>
 13. Дмитриевская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. 127 с.
 14. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
 15. Кузнецов С.А., Оленников С.М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом В. Ема, 2014. 312 с.
 16. Шатуновский И.Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 480 с.
 10. Petrova A.A. Fake News in the Aspect of Linguistic Analysis. *Materials on the International Scientific Conference “Linguopolitical Personology: a Discursive Turn” (Yekaterinburg, November 29-30, 2019)* / N.B. Ruzhentseva (ed.). Ekaterinburg, 2019. P. 165–169. (In Russ.).
 11. Plotnikova A.M., Kuznetsov V.O., Sazhenin I.I., et al. *Semantic Analysis in Forensic Linguistics. Handbook*. Moscow: RFCFS, 2018. 135 p. (In Russ.).
 12. Kukushkina O.V. Negative Information: Statement of Fact or Expression of Opinion? *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 3 (43). P. 132–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-132-145>
 13. Dmitrovskaya M.A. Knowledge and Opinion: the Image of the World, the Image of a Human. *Logical Analysis of a Language. Knowledge and Opinion: Collection of Scientific Works* / N.D. Arutyunova (ed.). Moscow: Nauka, 1988. 127 p. (In Russ.).
 14. Baranov A.N. *Linguistic Expertise of a Text. Theory and Practice. Textbook*. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 592 p. (In Russ.).
 15. Kuznetsov S.A., Olennikov S.M. *Expert Research on the Cases on the Recognition of Information Materials as Extremist. Theoretical Foundations and Methodical Guidance (Scientific and Practical Edition)*. 2nd ed. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom V. Ema, 2014. 312 p. (In Russ.).
 16. Shatunovskii I.B. *Speech Actions and Actions of Thought in the Russian Language*. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK, 2016. 480 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Виталий Олегович – к. юр. н., к. филол. н., заведующий лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России;
e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

Статья поступила: 14.02.2022
После доработки: 13.03.2022
Принята к печати: 15.04.2022

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Vitaly Olegovich – Candidate of Law, Candidate of Philology, Head of the Laboratory of Forensics Linguistics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

Received: February 14, 2022
Revised: March 13, 2022
Accepted: April 15, 2022